

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
17 August 2023
Russian
Original: Spanish

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола
относительно сообщения № 3297/2019* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Ориол Жункерас-и-Виес, Рауль Ромева-и-Руэда, Жозеп Руль-и-Андреу и Жорди Туруль-и-Негре (представлены Нико Кришем)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	авторы
<i>Государство-участник:</i>	Испания
<i>Дата сообщения:</i>	18 декабря 2018 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии со статьей 97 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 1 февраля 2019 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	12 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	временное отстранение от должности депутатов на время следствия по подозрению в мятеже
<i>Процедурные вопросы:</i>	рассмотрение того же вопроса по другой процедуре международного расследования; исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	голосование и выборы; участие в ведении государственных дел
<i>Статья Пакта:</i>	25

* Приняты Комитетом на его сто тридцать пятой сессии (27 июня — 27 июля 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махдуб эль-Хайба, Сюити Фуруя, Марсия В. Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чан Рок Со, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентиан Зюбери. Согласно пункту а) статьи 108 правил процедуры Комитета Карлос Гомес Мартинес не принимал участия в рассмотрении настоящего сообщения.

*** К настоящему решению прилагается совместное (несогласное) мнение членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша и Вафа Ашрафа Мохаррама Бассима.

*Статья Факультативного
протокола:*

5, п. 2 b)

1.1 Авторами сообщения являются Ориол Жункерас-и-Виес, Рауль Ромева-и-Руэда, Жозеп Рулль-и-Андреу и Жорди Турулль-и-Негре, граждане Испании, родившиеся соответственно 11 апреля 1969 года, 12 марта 1971 года, 2 сентября 1968 года и 6 сентября 1966 года. Они утверждают, что государство-участник нарушило их права, предусмотренные статьей 25 Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 25 апреля 1985 года. Авторы представлены адвокатом.

1.2 В своем первоначальном сообщении авторы просили Комитет обратиться к государству-участнику с ходатайством о принятии временных мер по отмене отстранения авторов от государственной службы до завершения судебного разбирательства и рассмотрения возможных апелляций. 1 февраля 2019 года Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, обратился к государству-участнику с просьбой представить замечания относительно ходатайства авторов о принятии временных мер. Государство-участник представило свои замечания 1 марта 2019 года, а 3 апреля 2019 года направило дополнительную информацию. 22 мая 2019 года авторы представили дополнительную информацию по поводу ходатайства о принятии временных мер, а государство-участник направило запрос о прекращении рассмотрения сообщения¹. 10 сентября 2019 года авторы представили комментарии к поступившему от государства-участника запросу о прекращении рассмотрения сообщения.

1.3 22 июля 2020 года Комитет, действуя через своего Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, проинформировал стороны о том, что в связи с развитием событий в ходе разбирательства просьба авторов о принятии временных мер утратила смысл. Тем не менее запросы государства-участника о прекращении рассмотрения сообщения были отклонены, поскольку в ходе вышеупомянутого развития событий не были устранены предполагаемые нарушения прав авторов, совершенные в прошлом.

Факты в изложении авторов

2.1 Авторы являются бывшими членами правительства Каталонии. Г-н Жункерас занимал пост заместителя председателя правительства, а г-н Ромева, г-н Рулль и г-н Турулль были советниками. Они утверждают, что были избраны благодаря своей программе борьбы за независимость и внесли свой вклад в организацию и поддержку референдума 2017 года по вопросу о независимости.

2.2 6 сентября 2017 года парламент Каталонии утвердил закон № 19/2017 о проведении референдума по вопросу о независимости Каталонии. 7 сентября 2017 года Конституционный суд приостановил вступление закона в силу до вынесения решения о его соответствии Конституции. Несмотря на это, 1 октября 2017 года состоялся референдум, в котором приняли участие 43 процента избирателей. 92 процента участников референдума проголосовали за независимость. Авторы отмечают, что в день проведения референдума произошло силовое вмешательство с участием около 6 000 сотрудников полиции, направленных в Каталонию государством-участником, в результате чего примерно 900 человек получили ранения, а многие из организаторов референдума были задержаны.

2.3 17 октября 2017 года Конституционный суд объявил закон № 19/2017 не соответствующим Конституции и недействительным. Авторы утверждают, что парламент и правительство Каталонии пригласили правительство государства-участника к диалогу в целях мирного урегулирования конституционного кризиса и предложили воспользоваться международным посредничеством, однако правительство государства-участника ответило отказом. 27 октября 2017 года парламент Каталонии провозгласил ее независимость, после чего был немедленно

¹ 23 ноября 2019 года государство-участник направило еще один запрос о прекращении рассмотрения сообщения.

распущен правительством государства-участника в силу статьи 155 Конституции. Правительство государства-участника назначило проведение новых региональных выборов на 21 декабря 2017 года².

2.4 30 октября 2017 года Генеральная прокуратура государства-участника возбудила уголовное судопроизводство в отношении авторов по обвинению в мятеже и растрате бюджетных средств. 2 ноября 2017 года судья Национального высокого суда, ведущая следствие, вынесла постановление о досудебном содержании авторов под стражей. 24 ноября 2017 года Верховный суд принял на себя ответственность за проведение указанного уголовного разбирательства. 4 декабря 2017 года Верховный суд оставил в силе постановление о предварительном заключении г-на Жункераса и установил залог за освобождение г-на Ромевы, г-на Рулля и г-на Турулля.

2.5 21 марта 2018 года следственный судья Верховного суда официально подтвердил проведение уголовного разбирательства в отношении авторов. 23 марта 2018 года тот же судья вынес постановление о повторном заключении под стражу г-на Ромевы, г-на Рулля и г-на Турулля. С тех пор авторы содержатся в следственном изоляторе и могут участвовать в работе парламента только посредством делегирования своего права голоса. Их ходатайства об участии в парламентских слушаниях были отклонены. Г-н Туруль, который на момент повторного заключения под стражу выступал в качестве кандидата на пост председателя правительства Каталонии, не смог представить свою кандидатуру на голосование, назначенное на следующий день, 24 марта 2018 года. В мае 2018 года г-н Руль и г-н Туруль были назначены советниками правительства Каталонии, однако им не позволили вступить в должность. 26 июня 2018 года апелляционная палата Верховного суда отклонила жалобу на решение следственного судьи, оставив в силе возбуждение уголовного дела.

2.6 9 июля 2018 года следственный судья объявил о завершении следствия по делу и помимо всего прочего сообщил парламенту Каталонии о том, что авторы «по-прежнему отстранены от государственных должностей, которые они занимали, а их полномочия приостановлены — автоматически и в силу статьи 384 bis [закона «Об уголовном процессе»], — вследствие чего президиум парламента должен приступить к принятию необходимых мер для полного осуществления этого положения закона»³.

2.7 Авторы утверждают, что преступление в виде мятежа рассматривается в статье 472 Уголовного кодекса государства-участника, согласно которой «виновными в мятеже признаются те, кто публично и с применением силы поднимает восстание с любой из следующих целей: 1) отменить Конституцию, приостановить ее действие либо полностью или частично изменить ее текст [...]; 5) провозгласить независимость части государственной территории [...]». Авторы утверждают, что статья 384 bis закона «Об уголовном процессе» государства-участника гласит: «После оформления обвинительного заключения и вынесения постановления о досудебном содержании под стражей по факту преступления, совершенного лицом, входящим в состав вооруженного формирования или связанного с таким формированием или с отдельными террористами или повстанцами, обвиняемый, занимающий государственную должность или пост, автоматически отстраняется от такой должности или поста на время содержания под стражей».

2.8 30 июля 2018 года апелляционная палата Верховного суда отклонила жалобу авторов на решение следственного судьи. Авторы подчеркивают, что суд отметил автоматическое применение статьи 384 bis и заявил о ее соответствии политическим правам авторов. В целях обжалования решения Верховного суда авторы обратились в Конституционный суд с соответствующими ходатайствами о применении процедуры ампаро — 19 сентября 2018 года (г-н Жункерас и г-н Ромева) и 10 октября 2018 года (г-н Руль и г-н Туруль). Они также ходатайствовали о принятии обеспечительных мер в виде приостановления действия решения об отстранении их от

² По итогам этих выборов авторы были избраны в качестве основных представителей главных партий, выступающих за независимость, которые получили большинство мест в парламенте Каталонии («Вместе за Каталонию» и «Левые республиканцы Каталонии»).

³ Tribunal Supremo, auto 20907/2017, de 9 de septiembre de 2018, pág. 11.

занимаемых должностей. Авторы утверждают, что до представления индивидуального сообщения Конституционный суд не выносил решения ни по существу дела, ни по поводу ходатайства о принятии обеспечительных мер. 24 октября 2018 года Верховный суд объявил о начале устных слушаний в отношении авторов по обвинению в мятеже и других преступлениях.

Жалоба

3.1 Авторы утверждают, что осуществление политических прав, предусмотренных статьей 25 Пакта, «может быть приостановлено или отменено только по установленным законом объективным и обоснованным причинам и при соблюдении справедливых процедур»⁴. По их словам, основания для такого решения должны быть особенно вескими в случае, если ограничения применяются к лицам, одержавшим победу на выборах, и тем самым нарушают свободное волеизъявление избирателей⁵. Эти ограничения должны возбуждать особенно серьезные подозрения в том случае, если они, как в данном случае, применяются не к одному представителю, а к руководству политических групп как таковых и внедряются еще до получения результатов уголовного разбирательства, проводимого с соблюдением соответствующих процессуальных гарантий. Авторы утверждают, что приостановление их полномочий: а) не было осуществлено на основаниях, предусмотренных законодательством и являющихся обоснованными и объективными; б) было произвольным, поскольку ему не предшествовал анализ индивидуальных обстоятельств, в которых находятся авторы; в) было введено без соблюдения гарантий надлежащего разбирательства и беспристрастности⁶.

3.2 В отношении первого пункта авторы утверждают, что их временное отстранение от занимаемых должностей не было предусмотрено законом, поскольку в соответствии с внутренним законодательством виновным в мятеже можно признать только того, кто «публично и с применением силы поднимает восстание» (см. п. 2.7) в определенных целях, в том числе в целях провозглашения независимости части территории государства-участника. По их словам, центральное место элемента применения силы в составе преступления в виде мятежа следует и из того, что в статье 384 bis закона «Об уголовном процессе» мятеж приравнивается к терроризму и участию в деятельности вооруженных формирований. Как поясняют авторы, Верховный суд усматривает элемент применения силы в политическом плане, опираясь на факт «мобилизации масс, [которая] должна была быть использована [...] для создания ситуации давления на государство [сторону]»⁷. Авторы добавляют, что Верховный суд усматривает еще два элемента применения силы в следующих фактах. Первым из них была демонстрация, которая состоялась 20 сентября 2017 года и в целом прошла мирно за исключением того, что небольшое число демонстрантов нанесли ущерб полицейским машинам. Вторым фактом суд счел проведение референдума 1 октября 2017 года, несмотря на то, что единственным проявлением насилия, зафиксированным в этот день в сообщениях прессы по всему миру, стала попытка полицейских силой ворваться на избирательные участки, заполненные гражданами. Авторы утверждают, что в обоих случаях и они, и другие руководители правительства Каталонии и представители гражданского общества постоянно призывали граждан строго соблюдать мирный порядок.

3.3 Авторы утверждают, что такие мероприятия обычно не квалифицируются как «применение силы». Они подчеркивают, что на это обратил внимание немецкий суд, выносивший решение по запросу об экстрадиции бывшего председателя правительства Каталонии г-на Пучдемона. Суд подчеркнул, что г-н Пучдемон «намечался добиться правомерного провозглашения независимости именно

⁴ *Паксас против Литвы* (CCPR/C/110/D/2155/2012), п. 8.3; Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 25 (1996), пп. 4 и 16.

⁵ Статья 25 b) Пакта.

⁶ В свете заключений, сделанных в рамках настоящих соображений, изложение аргументов авторов и замечаний государства-участника в отношении пунктов б) и в) было существенно урезано ради краткости.

⁷ Tribunal Supremo, Sala de lo Penal, causa especial núm. 20907/2017, 26 de junio de 2018, pág. 26.

демократическими средствами», что при этом существовал «негласный пакт об отказе от применения силы» и что по законодательству Германии действия, в которых он обвинялся, не могут являться основанием для уголовного преследования⁸. Авторы подчеркивают, что, по мнению суда, «в условиях государственного и социально-демократического строя, руководствуясь Конституцией, следует проявлять сдержанность при применении уголовного права к политическим разногласиям»⁹. С учетом этого суд отказал в экстрадиции г-на Пучдемона по обвинению в мятеже¹⁰. Как подчеркивают авторы, Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение обратился к органам власти государства-участника с просьбой воздержаться от преследования политических лидеров Каталонии по обвинению в мятеже: «Я обеспокоен тем, что обвинения в мятеже за действия, не связанные с применением силы или подстрекательством к насилию, могут препятствовать реализации прав на публичный протест и инакомыслие»¹¹.

3.4 Авторы утверждают, что Верховный суд, в свою очередь, выбрал утрированную трактовку понятия применения силы, отклонившись от ограничительного толкования, которым в прошлом руководствовался Конституционный суд, признавший, что «мятеж по определению осуществляется группой лиц, которая намерена прибегать к незаконному применению боевого оружия или взрывчатых веществ в целях подрыва или разрушения конституционного порядка»¹². По словам авторов, следственный судья не упомянул об этой судебной практике при вынесении решения от 9 июля 2018 года об их временном отстранении от занимаемых должностей. Авторы заявляют, что, поскольку мятеж предполагает восстание с применением силы, в конце 2017 года около 100 испанских юристов высказались против квалификации действий авторов как преступления в виде мятежа¹³, а в конце 2018 года их поддержали более 120 юристов¹⁴. Авторы добавляют, что даже генеральный адвокат государства-участника приняла решение не предъявлять им обвинение в мятеже, не согласившись с позицией следственного судьи и остальных сторон, поддержавших обвинение против авторов (т. е. со стороны прокуратуры государства-участника и политической партии «Вокс»). Авторы поясняют, что она ограничилась предъявлением обвинений в публичных призывах к мятежу, неповиновении и растрате бюджетных средств, т. е. в правонарушениях, которые не предполагают автоматического отстранения от государственной службы.

3.5 Авторы утверждают, что допускать такую трактовку закона тоже было бы неразумно. По их словам, если бы «мобилизации масс» «для создания ситуации давления на государство» в целях изменения Конституции было достаточно для приостановления политических полномочий, правительствам пришлось бы полностью лишиться содержания гарантии, предусмотренные статьей 25 Пакта. Авторы утверждают, что их дело сродни введению ограничений на деятельность политических

⁸ *Oberlandesgericht Schleswig*, 1 Ausl (A) 18/18 (20/18), 12 de julio de 2018, págs. 9 y 10, в переводе на испанский язык силами официального переводчика, нанятого авторами.

⁹ *Ibid.*, pág. 10.

¹⁰ Суд принял решение об экстрадиции по обвинению в растрате бюджетных средств, в связи с чем следственный судья отменил постановление об объявлении в розыск по Европе, чтобы избежать экстрадиции исключительно по обвинению в указанном преступлении.

¹¹ См. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2018/04/un-expert-urges-spain-not-pursue-criminal-charges-rebellion-against?LangID=E&NewsID=22928> (на англ. яз.).

¹² Tribunal Constitucional, sentencia núm. 199/1987, 16 de diciembre de 1987, pág. 20.

¹³ «[...] По нашему мнению, глубоко ошибочно считать указанные факты доказательствами преступления в виде мятежа по статье [472] [Уголовного кодекса] на том убедительнейшем основании, что в них отсутствует составной элемент этого преступления, а именно применение силы; этот критерий был внесен в определение данного преступления по итогам бурного обсуждения в Сенате именно для того, чтобы ограничить применение данной статьи исключительно особо тяжкими преступлениями, о чем в данном случае речи не идет [...]», полный текст доступен по адресу: https://www.eldiario.es/opinion/tribuna-abierta/legalidad-penal-proceso-independentista_129_3073315.html (на исп. яз.).

¹⁴ См. URL: https://www.eldiario.es/opinion/tribuna-abierta/banalizacion-delitos-rebelion-sedicion_129_1824859.html (на исп. яз.).

партий, «мирно отстаивающих убеждения, которые не разделяет правительство или большинство населения»¹⁵, поскольку оно связано с отстранением от должностей руководства политических групп, выступающих за независимость. Они поясняют, что, по мнению Комитета, государство-участник должно «продемонстрировать, [...] что запрет на объединения и возбуждение судебного разбирательства в отношении лица за его принадлежность к такому типу организаций на самом деле необходимы для предотвращения реальной, а не только гипотетической опасности, для обеспечения национальной безопасности или демократического порядка и что принятия менее жестких мер не было бы достаточно для достижения этой цели»¹⁶.

3.6 В отношении второго пункта авторы утверждают, что при наличии ограничений, предусмотренных статьей 25 Пакта, необходимо иметь в виду серьезность вмешательства, а также наличие оправдывающих обстоятельств в каждом отдельном случае. По их мнению, автоматическое применение статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» не оставляет пространства для такой индивидуальной оценки. Они заключают, что в соответствии с вольной трактовкой Верховного суда отстранение от государственных должностей применяется в столь разнообразных обстоятельствах, что не может считаться соразмерным в отсутствие более индивидуализированной оценки ограничения в свете обстоятельств конкретного дела.

3.7 В отношении третьего и последнего пункта авторы утверждают, что согласно статье 25 Пакта основания для отстранения от выборных должностей должны быть предусмотрены положениями, основанными на справедливом и равноправном разбирательстве (см. п. 3.1). По их мнению, в соответствии с Пактом, хотя в подобных ситуациях нельзя полностью исключить вероятность отстранения от должности, это всегда будет вызывать подозрения и должно быть обосновано исключительными причинами с соблюдением высоких стандартов процессуальной справедливости. Авторы напоминают вывод Комитета о том, что в случаях, когда лица, находящиеся в оппозиции к правительству, осуждаются судом или направляются в суд по итогам расследования, любое приостановление их полномочий или отрицательные последствия для их права голосовать и быть избранным на государственную должность могут быть признаны произвольными, если разбирательство по делу было проведено с нарушением надлежащей правовой процедуры¹⁷. Они утверждают, что в данном случае отстранение от должности не соответствовало этим высоким стандартам надлежащего разбирательства по смыслу статьи 25 Пакта, что, помимо прочего, вызывает серьезные сомнения в беспристрастности судебных органов, принимавших участие в разбирательстве.

3.8 В отношении требования об исчерпани средств правовой защиты авторы заявляют, что исчерпали все имеющиеся эффективные средства, чтобы приостановить отстранение их от занимаемых должностей. Они утверждают, что, несмотря на проведение соответствующих процедур ампаро в Конституционном суде в октябре 2018 года, в том числе с подачей ходатайств о принятии обеспечительных мер, указанные средства правовой защиты нельзя считать эффективными. Авторы поясняют, что 11 декабря 2018 года Конституционный суд отклонил ходатайство о принятии обеспечительных мер по параллельному процессу, в рамках которого граждане ходатайствовали о приостановлении действий по отстранению авторов от занимаемых должностей на том основании, что такое отстранение нарушает их собственное право голоса. По словам авторов, в том случае суд не стал рассматривать возможность успешности применения обеспечительных мер, но руководствовался при вынесении решения исключительно аргументом о том, что блокирование процедуры приостановления полномочий «было бы равносильно предвосхищению вынесения постановления об удовлетворении жалобы по итогам процедуры ампаро»¹⁸. Они утверждают, что такая логика применима и к их собственным ходатайствам

¹⁵ *Lee c. República de Corea* (CCPR/C/84/D/1119/2002), párr. 7.2.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Скарано Списсо против Боливарианской Республики Венесуэла* (CCPR/C/119/D/2481/2014), п. 7.12; *Нашид против Мальдивской Республики* (CCPR/C/122/D/2270/2013 и CCPR/C/122/D/2851/2016), п. 8.6 и *Nasheed c. Maldivas* (CCPR/C/122/D/2851/2016), párr. 8.6.

¹⁸ Tribunal Constitucional, recurso de amparo 5342-2018, 11 de diciembre de 2018.

о введении обеспечительных мер и что ввиду этого их ходатайства не имеют шансов быть удовлетворенными. Авторы подчеркивают, что применительно к политическим правам ход времени имеет особенно большое значение¹⁹, и добавляют, что отстранение их от занимаемых должностей равносильно отмене их победы на выборах, поскольку вынесение Конституционным судом решения по существу дела в среднем занимает более двух лет, а иногда и больше. Авторы утверждают, что в таких условиях процедура ампаро стала неэффективным средством правовой защиты с точки зрения требования об исчерпании таких средств, поскольку она неспособна предотвратить причинение непоправимого ущерба их правам²⁰.

3.9 Авторы обращаются к Комитету с просьбой заявить о том, что: а) отстранение их от занимаемых должностей нарушает статью 25 Пакта; б) государство-участник и все его учреждения обязаны отменить соответствующие решения о приостановлении их полномочий.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 В своих замечаниях от 20 ноября 2020 года относительно приемлемости и существа сообщения государство-участник отмечает, что авторы согласились на замену их другими депутатами своей парламентской группы на время отстранения их от занимаемых должностей. Оно добавляет, что 17 мая 2019 года все авторы, за исключением г-на Ромевы, сложили с себя полномочия депутатов регионального парламента, чтобы вступить в должности членов палаты депутатов Национального законодательного собрания по итогам выборов, прошедших в апреле 2019 года²¹. Государство-участник поясняет, что 14 октября 2019 года палата по уголовным делам Верховного суда осудила авторов по обвинению не в мятеже, а в призывах к мятежу и что отстранение г-на Ромевы от должности депутата регионального парламента было немедленно отменено.

4.2 Во-первых, государство-участник утверждает, что настоящее сообщение должно быть признано неприемлемым в силу пункта 2 б) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку на момент представления сообщения еще не завершилось разбирательство в рамках процедур ампаро, по которым ожидалось вынесение решения. Оно поясняет, что решения по указанным процедурам были вынесены Конституционным судом 28 января и 25 февраля 2020 года соответственно. По его словам, несмотря на утверждения авторов о том, что процедуры ампаро не возымели действия, сомнения в отношении эффективности внутренних средств правовой защиты не освобождают их от требования исчерпания таких средств²², и авторы должны добросовестно стремиться их использовать²³. Государство-участник утверждает, что обосновывать неэффективность имеющихся средств правовой защиты должны сами авторы²⁴. Наконец, по его словам, Комитет определил, что двухлетний срок рассмотрения жалобы на нарушение Конституции не представляет собой чрезмерной задержки²⁵.

4.3 Во-вторых, по словам государства-участника, статья 25 Пакта не была нарушена с учетом того, что мера пресечения в виде временного отстранения от должности предусмотрена статьей 384 bis закона «Об уголовном процессе» и соответствует Пакту, поскольку она является обоснованной и объективной и ее применение в данном случае было основано на индивидуальной оценке и соразмерно.

¹⁹ *Лукьянчик против Беларуси* (CCPR/C/97/D/1392/2005), п. 7.4.

²⁰ *Agrupación del Lago Lubicon c. Canadá*, comunicación núm. 167/1984; *Weiss c. Austria* (CCPR/C/77/D/1086/2002).

²¹ Г-н Ромева был избран сенатором, что в соответствии с внутренним правом не препятствует осуществлению им полномочий депутата регионального парламента.

²² В том числе *Дж. Б. против Австралии* (CCPR/C/120/D/2798/2016).

²³ *В. С. против Новой Зеландии* (CCPR/C/115/D/2072/2011), п. 6.3.

²⁴ В том числе *О. К. против Латвии* (CCPR/C/110/D/1935/2010), п. 7.4.

²⁵ *Zündel c. Canadá* (CCPR/C/89/D/1341/2005), párr. 6.3.

4.4 В отношении совместимости статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» с положениями Пакта государство-участник заявляет, что эта норма была введена в 1988 году, а в 1994 году Конституционный суд признал ее соответствующей Конституции, т. е. нельзя утверждать, будто она была принята специально в целях ограничения прав авторов²⁶. По его словам, мера пресечения в виде временного отстранения от занимаемых государственных должностей и приостановления полномочий регулируется указанной процессуальной нормой и является: а) необходимой для сохранения демократического общества, а значит обоснованной; б) объективной, поскольку она носит общий характер и не направлена против конкретных субъектов; в) соразмерной, поскольку субъектам инкриминируется посягательство на само демократическое общество; г) принимаемой на поздних этапах уголовного судопроизводства, после оформления обвинительного заключения и вынесения постановления о досудебном содержании под стражей.

4.5 В отношении применения статьи 384 bis к авторам государство-участник утверждает, что: а) она применялась в соответствии с требованиями, установленными указанной нормой; б) применение этой нормы было индивидуализировано таким образом, чтобы ограничение политических прав авторов было максимально соразмерным и в наименьшей степени вредило интересам политической группы в парламенте Каталонии, к которой принадлежат авторы. По первому пункту государство-участник заявляет, что при применении к авторам статьи 384 bis были соблюдены следующие требования: а) авторам было предъявлено обвинение в мятеже; б) в отношении них было вынесено постановление о досудебном содержании под стражей; в) было составлено обвинительное заключение²⁷. По второму пункту государство-участник поясняет, что индивидуализация меры пресечения в виде временного отстранения авторов от занимаемых должностей не исчерпывается постановлением от 9 июля 2018 года, но, как указано в самом постановлении, практическое осуществление этой меры возложено на парламент Каталонии. По его словам, парламент Каталонии индивидуализировал это решение таким образом, чтобы парламентское большинство было сохранено. С этой целью парламент принял решение о замене отстраненных депутатов другими депутатами из той же группы, которое было одобрено парламентской группой авторов и самими авторами²⁸. Таким образом, государство-участник утверждает, что приостановление полномочий авторов не является «автоматическим», поскольку оно потребовало участия парламента, который принял меры для минимизации ограничения политических прав авторов и, соответственно, прав их парламентской группы. Оно подчеркивает, что авторы согласились на замену своих кандидатур другими членами своей парламентской группы, за исключением г-на Ромевы — единственного, кто не сложил с себя полномочия депутата регионального парламента. Государство-участник добавляет, что мера пресечения в виде временного отстранения от занимаемых должностей была отменена после вынесения Верховным судом 14 октября 2019 года постановления об отсутствии состава преступления в виде мятежа именно в связи с отсутствием элемента применения силы, необходимого для признания состава данного уголовного преступления²⁹. В результате следственный судья немедленно отменил меру пресечения в виде временного отстранения от должности г-на Ромевы.

4.6 В отношении доводов авторов о недостаточной беспристрастности судов и предполагаемом преследовании сторонников независимости в связи с возбуждением дела о преступлении в виде мятежа государство-участник подчеркивает, что даже Верховный суд, который авторы считают предвзятым, вынес постановление об отсутствии состава преступления в виде мятежа в связи с отсутствием

²⁶ Tribunal Constitucional, sentència 71/1994.

²⁷ Государство-участник дословно воспроизводит страницы 21 525–21 531 решения Конституционного суда № 11/2020, опубликованного в *Официальном государственном вестнике* от 29 февраля 2020 года.

²⁸ Государство-участник поясняет, что эта мера была принята на основе справки, полученной от консультантов парламента Каталонии 17 июля 2018 года, где оценивались два разных варианта в отношении временного отстранения авторов от занимаемых должностей.

²⁹ Sentència 459/2019.

необходимого элемента — соответствующего применения силы³⁰. По его мнению, это свидетельствует о надлежащем функционировании судебной системы в государстве-участнике, о разграничении стадий следствия и судебного разбирательства и об абсолютной независимости этих двух этапов уголовного процесса. Государство-участник утверждает, что ввиду вышесказанного можно сделать вывод об удовлетворении главной претензии авторов, связанной с отсутствием состава преступления в форме мятежа.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

5.1 В своих комментариях от 7 марта 2021 года авторы повторяют свои аргументы в отношении приемлемости, изложенные в первоначальном представлении. Они добавляют, что вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты более не актуален, поскольку Конституционный суд постановлениями от 28 января и 25 февраля 2020 года окончательно отклонил жалобы авторов. Они утверждают, что во внутренней правовой системе не существует дальнейших мер, которые можно было бы принять, а государство-участник не воспользовалось возможностью, предоставляемой правилом исчерпания внутренних средств правовой защиты, для устранения нарушений в рамках собственной судебной системы. По их словам, Комитет обычно не усматривает препятствий для рассмотрения сообщения по существу, если последняя стадия применения того или иного средства правовой защиты была завершена после подачи сообщения, но до принятия решения о приемлемости³¹.

5.2 По существу вопроса авторы утверждают, что государство-участник лишь в значительной степени воспроизводит решения Конституционного суда, который ограничился анализом произвольности применения соответствующего закона. Они добавляют, что государство-участник нигде не рассматривает вопрос о том, было ли ущемление прав авторов оправданным в данном конкретном случае, учитывая отсутствие: а) применения силы; б) индивидуальной оценки; в) справедливого и равноправного судебного разбирательства.

5.3 В отношении отсутствия фактов применения силы авторы утверждают, что статьей 384 bis закона «Об уголовном процессе» предусмотрена исключительная мера, поскольку на этой стадии производства, до проведения уголовного процесса, временное отстранение от должности может быть применено только в свете обвинений в мятеже, но ни в каком ином преступлении. По их мнению, для признания состава преступления в виде мятежа необходим элемент «восстания» «с применением силы», который так и не был доказан в рамках их дела и который полностью отсутствовал в их действиях, призывах или стратегиях, что теперь единодушно признано. Авторы добавляют, что следственный судья, тем не менее, использовал расширительное толкование, чтобы исключить участие мирной политической оппозиции в активной политической жизни. Как они утверждают, следственный судья признал действия авторов «насилованными» в основном потому, что во время демонстраций и в ходе референдума некоторые отдельные участники повредили полицейские машины и мешали проезду полиции, а также потому, что полиция применила силу для разгона демонстрантов. По словам авторов, в своем недавнем замечании общего порядка № 37 (2020) Комитет определил, что это не служит основанием для признания немирного характера действий тех, кто не применял силу и не провоцировал ее применение³². Как утверждают авторы, в апреле 2019 года Рабочая группа по произвольным задержаниям пришла к выводу о том, что действия авторов носили ненасильственный и мирный характер и что государство-участник в явной форме нарушило права шестерых активистов и политических деятелей движения

³⁰ Ibid.

³¹ *Дельгадо Бургоа против Многонационального Государства Боливия* (CCPR/C/122/D/2628/2015), п. 10.2; у Tribunal Europeo de Derechos Humanos, *Selahattin Demirtaş v. Turkey* (núm. 2), sentencia de 22 de diciembre de 2020, núm. 14305/14, párr. 193.

³² Пп. 17 и 18.

за независимость Каталонии, среди которых были названы трое из авторов³³. По их заявлению, даже Верховный суд в итоге признал, что политические действия авторов не достигли порога применения силы, необходимого для того, чтобы квалифицировать их как «восстание».

5.4 Авторы утверждают, что обвинение в «мятеже» не имело под собой никакой фактической основы, а официальное обвинительное заключение следственного судьи, послужившее основанием для временного отстранения авторов от занимаемых должностей, было принято без законных оснований вследствие чрезмерно широкого толкования Уголовного кодекса. Они добавляют, что с учетом отсутствия фактора применения силы временное отстранение от должности было несоразмерным и не соответствовало критериям «объективности и обоснованности», предусмотренным положениями Пакта. Авторы утверждают, что понижение порога применения такой серьезной меры, как приостановление действия основных демократических прав до суда, не соответствует требованиям Пакта. Они добавляют, что свобода выражения мнений и политические права взаимосвязаны и действуют взаимодополняющим образом. По словам авторов, поскольку ненасильственные политические мероприятия защищены свободой выражения мнения, они не могут служить основанием для ограничения права выдвигать свою кандидатуру на выборах³⁴.

5.5 Авторы утверждают, что при пересмотре решения о временном отстранении авторов от занимаемых должностей Конституционный суд не рассмотрел обстоятельства дела по существу. По их словам, суд ограничился изучением вопроса о том, является ли толкование закона следственным судьей «произвольным, необоснованным или явно ошибочным», и пришел к отрицательному выводу. Как утверждают авторы, аргументация суда основывалась прежде всего на представлении о том, что любые действия, предполагающие «вызов самой сути демократического государства», можно обоснованно трактовать как «мятеж»³⁵. Авторы заявляют, что при таком понимании полностью игнорируется предусмотренный Уголовным кодексом критерий в виде «восстания» «с применением силы» и создается возможность квалификации целого ряда мирных политических протестов, включая инициативы по проведению глубинной конституционной реформы, в качестве мятежа. Они добавляют, что это может привести к отмене каких бы то ни было четких ограничений и превращению преступления в виде мятежа (с угрозой лишения свободы сроком до 25 лет и возможностью приостановления действия политических прав до суда) в гибкий инструмент преследования политической оппозиции.

5.6 В отношении отсутствия оценки индивидуальных обстоятельств авторов последние упоминают о том, что недавно Комитет подчеркнул важность индивидуальной оценки в отношении прав, предусмотренных статьей 25³⁶. По их мнению, утверждения государства-участника ошибочны, поскольку предполагают, будто само по себе применение статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» гарантирует соответствующую индивидуальную оценку и будто, по мнению самого Конституционного суда, она «возникает автоматически *ex lege*, не оставляя никаких иных возможностей помимо проверки совпадения предпосылок, которые необходимы для введения данной меры согласно норме закона»³⁷.

5.7 В отношении отсутствия требований справедливого и равноправного разбирательства для ограничения прав в соответствии со статьей 25 Пакта авторы утверждают, что в решении Верховного суда не содержалось объективной оценки сомнений в его беспристрастности и что такие сомнения априори воспринимались как необоснованные. Они подчеркивают, что этот аспект вызывает еще больше вопросов, если учесть процессуальную стадию, на которой было принято решение о временном отстранении их от занимаемых должностей, а именно момент оформления

³³ A/HRC/WGAD/2019/6, пп. 114 и 119; A/HRC/WGAD/2019/12.

³⁴ *Selahattin Demirtaş v. Turkey (núm. 2)*, núm. 14305/14, párr. 392.

³⁵ Sentencia 11/2020, pág. 21529.

³⁶ *Apuac Лейва против Колумбии (CCPR/C/123/D/2537/2015)*, п. 11.7.

³⁷ Sentencia 11/2020, pág. 21527.

обвинительного заключения по преступлению в виде мятежа одним следственным судьей без проведения состязательной процедуры.

Вторичное возражение государства-участника

6.1 В своем вторичном возражении от 9 августа 2021 года государство-участник утверждает в отношении правовой основы временного отстранения авторов от занимаемых должностей, что статья 384 bis закона «Об уголовном процессе» предполагает такое приостановление полномочий в связи с вполне конкретными случаями и поэтому не носит общего характера³⁸. Государство-участник заявляет, что указанная норма применяется не автоматически, а на основании судебного постановления, привязывающего ее к данному делу, что предполагает индивидуальную оценку и определение фактов, которые вписываются в ограниченные и конкретные условия временного отстранения от должности. Оно повторяет, что для окончательной индивидуализации требуются действия со стороны парламента Каталонии (см. п. 4.5). Государство-участник обращает внимание на судебную практику Европейского суда по правам человека, в соответствии с которой лишение политических прав не обязательно должно быть продиктовано конкретным решением суда³⁹. Оно заключает, что правовое регулирование временного отстранения от должности соответствует всеобщим и региональным стандартам, поскольку подчиняется требованию «укрепления гражданского сознания и уважения к правовому государству, а также надлежащего функционирования и поддержания демократического строя»⁴⁰.

6.2 Государство-участник повторяет, что временное отстранение от должности осуществляется на этапе следствия, когда следственный судья усматривает признаки наличия элементов преступления, на основании которых осуществляется такое отстранение. Оно добавляет, что это решение не является окончательным и носит временный характер, ограниченный сроком разбирательства по обвинению в мятеже. По словам государства-участника, если палата по уголовным делам Верховного суда в своем решении не установила наличия элементов состава преступления в виде мятежа, которые усмотрел следственный судья, и квалифицировала действия авторов как призывы к мятежу, это означает, что постановление о временном отстранении авторов от занимаемых должностей, вынесенное следственным судьей, теряет силу. Государство-участник утверждает, что это отражает правильное функционирование уголовно-правовой системы Испании: разграничение этапов следствия и суда, независимость и беспристрастность судей и отсутствие сговора органов судебной власти в отношении данного дела.

6.3 Государство-участник утверждает, что авторы оценивают факты иначе, нежели их оценил в свое время судья, проводивший судебное следствие по данному делу, однако это не свидетельствует о нарушении Пакта — за исключением тех случаев, когда, по словам Комитета, такая оценка носит явно произвольный характер или равносильна отказу в правосудии. С решением следственного судьи можно не согласиться, однако оно не было произвольным и тем более не было равносильно отказу в правосудии, а значит, не предполагало никакого нарушения Пакта. Государство-участник утверждает, что в принципах работы Комитета содержатся четкие указания по поводу данного исключения из правила и что пересмотр и повторная оценка фактов, рассмотренных внутренними судами, не относится к компетенции Комитета, определенной Факультативным протоколом.

6.4 В отношении заявлений авторов о предполагаемом сговоре между ветвями государственной власти против движения за независимость государство-участник утверждает, что авторы предстали перед судом и были признаны виновными вследствие попытки добиться независимости Каталонии силовыми методами, без соблюдения предусмотренного конституционного порядка внесения поправок в основной закон, позволяющего изменить территориальное устройство. Государство-

³⁸ *Евдокимов и Резанов против Российской Федерации (CCPR/C/101/D/1410/2005)*, п. 7.5.

³⁹ *Scoppola v. Italy (núm. 3)*, mayo de 2012, núm. 126/05, párr. 104.

⁴⁰ *Ibid.*, в переводе государства-участника.

участник повторяет, что это составляет посягательство на правовое государство. По его словам, никто не собирался препятствовать деятельности движения за независимость. Государство-участник напоминает, что в результате выборов, проведенных правительством страны в декабре 2017 года, в парламенте Каталонии образовалось большинство, которое выступало за независимость и к которому перешли бразды правления в этом регионе. Государство-участник утверждает, что после выборов в феврале 2021 года в состав правительства Каталонии вновь вошли представители партий, выступающих за независимость. По его словам, в таких условиях все судебные меры, принятые в рамках уголовного процесса, были направлены на сохранение большинства в парламенте, чтобы судопроизводство не оказало влияния на результаты выборов. Поэтому одновременно с вынесением постановления о временном отстранении авторов от занимаемых должностей были приняты меры по замене отстраненных депутатов на других представителей их группы, чтобы не допустить изменения расстановки сил в парламенте Каталонии и сохранить большинство за движением, выступающим за независимость; указанная мера была одобрена авторами.

6.5 Наконец, государство-участник отмечает, что 22 июня 2021 года его правительство для общественной пользы отменило назначенную авторам меру наказания в виде лишения свободы.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

7.1 Прежде чем рассматривать любую жалобу, содержащуюся в каком-либо сообщении, Комитет должен во исполнение правила 97 своих правил процедуры принять решение о том, является ли это сообщение приемлемым согласно Факультативному протоколу к Пакту.

7.2 Согласно требованиям пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Комитет отмечает оговорку, сделанную государством-участником в отношении упомянутой статьи, которая исключает юрисдикцию Комитета и в тех случаях, когда тот же вопрос уже был рассмотрен в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования. Комитет отмечает, что в апреле 2019 года Рабочая группа по произвольным задержаниям дважды принимала мнения в отношении шестерых активистов и политических деятелей движения за независимость Каталонии, в числе которых были г-н Жункерас⁴¹, г-н Руль и г-н Ромева⁴². Поэтому Комитет должен решить, можно ли считать, что в отношении этих троих авторов этот же вопрос рассматривался в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

7.3 Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой «этот же вопрос» по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола касается того же автора, тех же фактов и тех же основных прав⁴³. В данном случае, как отмечает Комитет, жалоба авторов касается временного отстранения их от занимаемых должностей и приостановления их полномочий на государственной службе до вынесения приговора в силу выданного в отношении них постановления о досудебном содержании под стражей, что предположительно нарушает их права, предусмотренные статьей 25 Пакта (см. пп. 3.1 и 3.12). В то же время Комитет указывает, что в сообщении, представленном Рабочей группе, поставлена задача определить, носит ли их задержание произвольный характер. Как дополнительно отмечает Комитет, в сообщении, адресованном Рабочей группе, авторы ссылаются на статью 25 Пакта не в связи с временным отстранением их от занимаемых должностей и приостановлением их полномочий на государственной службе, а

⁴¹ См. [A/HRC/WGAD/2019/6](#).

⁴² См. [A/HRC/WGAD/2019/12](#).

⁴³ *Petersen c. Alemania* (CCPR/C/80/D/1115/2002), párr. 6.3.

в общем, чтобы аргументировать произвольный характер своего задержания по статье 9 Пакта на том основании, что оно явилось результатом осуществления прав и свобод, гарантированных Пактом⁴⁴. Поэтому Комитет считает, что тема сообщения, адресованного Рабочей группе, не представляет собой «этот же вопрос» по смыслу пункта 2 а) статьи 5 Факультативного протокола. Таким образом, не затрагивая вопрос о том, относится ли рассмотрение дела Рабочей группой по произвольным задержаниям к категории «других процедур международного расследования или урегулирования»⁴⁵, Комитет не видит препятствий для признания настоящего сообщения приемлемым в соответствии с указанным положением.

7.4 В отношении требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что настоящее сообщение должно быть признано неприемлемым в силу пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, поскольку на момент представления сообщения еще не завершилось разбирательство в рамках процедур ампаро, по которым ожидалось вынесение решения (см. п. 4.2). Тем не менее Комитет ссылается на свою устоявшуюся правовую практику и напоминает о том, что при рассмотрении жалобы решение вопроса об исчерпании всех внутренних средств правовой защиты принимается на момент рассмотрения сообщения⁴⁶. Комитет напоминает, что это продиктовано принципом экономии времени и расходов в ходе процесса, поскольку сообщение, в отношении которого после его подачи были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, может быть тут же повторно представлено в Комитет, если оно будет признано неприемлемым на этом основании⁴⁷. Комитет отмечает, что в данном случае стороны имели возможность представить дополнительную информацию и аргументы, которые были переданы другой стороне для комментариев и замечаний, благодаря чему обе стороны могли оспорить каждый новый факт и соответствующие процессуальные действия⁴⁸.

7.5 Комитет также принимает к сведению довод государства-участника о том, что сомнения авторов в отношении эффективности внутренних средств правовой защиты не освобождают их от требования исчерпания таких средств и что они должны добросовестно стремиться их использовать (см. п. 4.2). Комитет вновь отмечает, что жалоба авторов касается их временного отстранения от занимаемых должностей и приостановления их полномочий на государственной службе до вынесения приговора на основании выданного в отношении них постановления о досудебном содержании под стражей (см. пп. 3.1 и 3.12) и что авторы должны были исчерпать внутренние средства правовой защиты именно по этому вопросу. В этой связи Комитет отмечает, что авторы подали в Конституционный суд соответствующие ходатайства о принятии обеспечительных мер по процедуре ампаро (окончательное решение по которым было принято в январе и феврале 2020 года), требуя отменить временное отстранение от занимаемых должностей и приостановление своих полномочий на государственной службе. Комитет принимает к сведению довод авторов о том, что эти средства правовой защиты оказались неэффективными для предотвращения причинения им непоправимого вреда (см. пп. 4.7 и 5.1), — на момент подачи индивидуального сообщения Комитет счел его достаточно обоснованным для целей регистрации жалобы. Комитет принимает к сведению довод авторов о том, что на данный момент во внутренней правовой системе не существует дальнейших мер, которые можно было бы принять для устранения заявленных нарушений, и что упомянутые процедуры ампаро позволяли государству-участнику использовать возможность, предоставляемую правилом исчерпания внутренних средств правовой защиты,

⁴⁴ [A/HRC/WGAD/2019/6](#), п. 27; [A/HRC/WGAD/2019/12](#), п. 24.

⁴⁵ Аналогичные случаи см. в: *Аль-Рабасси против Ливии* ([CCPR/C/111/D/1860/2009](#)), п. 6.2; *Седеньо против Боливарианской Республики Венесуэла* ([CCPR/C/106/D/1940/2010](#)), п. 6.2; *Musaev c. Uzbekistán* ([CCPR/C/104/D/1914,1915,1916/2009](#)), párr. 8.2.

⁴⁶ В том числе *Эль-Гертани против Боснии и Герцеговины* ([CCPR/C/109/D/1955/2010](#)), п. 9.3; *Сингх против Франции* ([CCPR/C/102/D/1876/2009](#)), п. 7.3; *Lemercier c. Francia* ([CCPR/C/86/D/1228/2003](#)), párr. 6.4; *Baroy c. Filipinas* ([CCPR/C/79/D/1045/2002](#)), párr. 8.3; *y Bakhtiyari y otros c. Australia* ([CCPR/C/79/D/1069/2002](#)), párr. 8.2.

⁴⁷ *Bakhtiyari y otros c. Australia*, párr. 8.2.

⁴⁸ *Lula da Silva c. Brasil* ([CCPR/C/134/D/2841/2016](#) (Final proceedings)), párr. 7.4.

для устранения заявленных нарушений в рамках собственной судебной системы (см. п. 5.1). Комитет отмечает, что государство-участник не назвало никаких других эффективных и разумно доступных средств защиты, исчерпания которых можно было бы ожидать от авторов на данном этапе⁴⁹. С учетом вышеизложенного Комитет считает, что пункт 2 б) статьи 5 Факультативного протокола не препятствует признанию настоящего сообщения приемлемым.

7.6 Комитет считает, что утверждения авторов, касающиеся временного отстранения их от занимаемых должностей и приостановления их полномочий на государственной службе до вынесения приговора, достаточно обоснованы для целей приемлемости. В отсутствие иных препятствий с точки зрения приемлемости настоящего сообщения Комитет объявляет настоящее сообщение приемлемым с точки зрения статьи 25 Пакта и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

8.1 В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Факультативного протокола Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей информации, представленной ему сторонами.

8.2 Комитет принимает к сведению заявления авторов о том, что временное отстранение их от занимаемых государственных должностей и приостановление их полномочий еще до вынесения приговора, в ходе проводимого в их отношении уголовного судопроизводства, нарушило их права, предусмотренные статьей 25 Пакта, поскольку такое приостановление полномочий до объявления приговора: а) не было осуществлено на основаниях, предусмотренных законодательством и являющихся обоснованными и объективными; б) было произвольным, поскольку ему не предшествовал анализ индивидуальных обстоятельств, в которых находятся авторы; с) было введено без соблюдения гарантий надлежащего судебного разбирательства и беспристрастности (см. пп. 3.1 и 3.12).

8.3 Комитет подчеркивает, что статья 25 Пакта закладывает фундамент демократического правления⁵⁰. Комитет напоминает, что указанная норма признает и защищает право каждого гражданина принимать участие в ведении государственных дел, голосовать и быть избранным и иметь доступ к государственной службе. Независимо от того, какая в стране действует конституция или какое правительство находится у власти, осуществление этих прав гражданами может быть приостановлено или отменено только по установленным законом объективным и разумным причинам, и при соблюдении справедливых и равноправных процедур⁵¹. Как отмечает Комитет, для того чтобы ограничение этих прав считалось установленным законом, оно должно быть предсказуемым, т. е. сформулированным достаточно четко, чтобы человек мог соотносить с этой формулировкой свои действия и чтобы она не давала пространства для неограниченного или обобщенного применения уполномоченными лицами⁵². Комитет напоминает о том, что если основанием для временного лишения права голоса и права выдвигать свою кандидатуру на выборные должности является осуждение в связи с совершенным преступлением, то срок, на который действие этого права приостановлено, должен быть соразмерным тяжести преступления и

⁴⁹ Ibid., párr. 7.5; а также *Каташинский против Украины* (CCPR/C/123/D/2250/2013), п. 6.3. См. также, с учетом необходимых изменений, *Randolph c. Togo* (CCPR/C/79/D/910/2000), párr. 8.5; *C. F. y otros c. Canadá* (CCPR/C/24/D/113/1981), párr. 6.2; *Muhonen c. Finlandia* (CCPR/C/24/D/89/1981), párr. 6.1; у *Sequeira c. Uruguay* comunicación núm. 1/6, párr. 9 б).

⁵⁰ Замечание общего порядка № 25 (1996), п. 1.

⁵¹ Там же, пп. 3, 4 и 16; а также *Паксас против Литвы*, п. 8.3.

⁵² В этом смысле и в рамках статьи 25 Пакта Комитет выразил свое мнение о том, что эти критерии должны быть «четко определены законом», см. *Мальдонадо Ипорре против Многонационального Государства Боливия* (CCPR/C/122/D/2629/2015), п. 11.5; а также *Дельгадо Бургоа против Многонационального Государства Боливия*, п. 11.5. См. также E/CN.4/1985/4, приложение, нота, с. 1 и п. 17. В отношении других прав см. Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 37 (2020), п. 39; замечание общего порядка № 34 (2011), п. 25, и замечание общего порядка № 35 (2014), п. 22.

вынесенному приговору⁵³. Кроме того, Комитет напоминает, что в тех случаях, когда такое осуждение носит явно произвольный характер, стало результатом очевидной ошибки или равносильно отказу в правосудии, или если судебное разбирательство, по итогам которого был вынесен приговор, нарушает право на надлежащую правовую процедуру, это может придать этому ограничению прав, закрепленных в статье 25, произвольный характер⁵⁴. Комитет отмечает, что гарантии, предусмотренные статьей 25, необходимо соблюдать особенно ревностно, если ограничение прав осуществляется до вынесения приговора по обвинению в совершении преступления, а не после⁵⁵. Следовательно, с учетом вышесказанного Комитету надлежит определить, в первую очередь, было ли временное отстранение авторов от занимаемых должностей до вынесения приговора осуществлено по установленным законом объективным и обоснованным причинам и при соблюдении справедливых процедур.

8.4 Комитет принимает к сведению аргумент авторов о том, что временное отстранение их от занимаемых должностей до вынесения приговора не установлено законом, поскольку приведенное в статье 472 Уголовного кодекса определение преступления в виде мятежа предполагает ответственность тех, кто «публично и с применением силы поднимает восстание», а в качестве обязательного требования для установления состава преступления согласно статье 384 bis закона «Об уголовном процессе» предусмотрен элемент применения силы, и что их действия не могут трактоваться как содержащие этот элемент (см. пп. 2.7 и 3.2). Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что статья 384 bis закона «Об уголовном процессе» соответствует Пакту, поскольку предусмотренная ею мера в виде временного отстранения от должности является обоснованной, объективной и соразмерной и принимается на поздних этапах уголовного судопроизводства (см. пп. 4.3 и 4.4). Как отмечает Комитет, стороны не оспаривают тот факт, что статья 384 bis закона «Об уголовном процессе» требует наличия обвинительного заключения в связи с совершением преступления в виде мятежа (см. пп. 4.5 и 5.3). С учетом этого Комитет считает, что при анализе правомерности временного отстранения авторов от занимаемых должностей до вынесения приговора необходимо учитывать то, как внутренние суды используют понятие преступления в виде мятежа, предусмотренное статьей 472 Уголовного кодекса, в связи с чем была автоматически применена статья 384 bis закона «Об уголовном процессе». Как отмечает Комитет, авторы подчеркивают соотношение этих норм в том числе в период до вынесения обвинительного заключения и то влияние, которое может оказать судопроизводство по обвинению в преступлении в виде мятежа на их политические права⁵⁶.

8.5 В отношении статьи 472 Уголовного кодекса Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что оценка фактов следственным судьей не носит произвольного характера и, следовательно, не подразумевает отказа в правосудии (см. пп. 6.1 и 6.6). Комитет напоминает свою устоявшуюся правовую практику, согласно которой по общему правилу именно судам государств-участников надлежит производить оценку фактов и доказательств или же обеспечивать применение и толкование внутреннего законодательства⁵⁷, кроме как если такая оценка или применение явным образом носили произвольный характер или составили очевидную ошибку или отказ в правосудии⁵⁸. Тем не менее Комитет считает, что в данном случае перед ним не стоит задача определить соответствие трактовки, оценки фактов и доказательств, выполненных национальными судебными органами,

⁵³ Замечание общего порядка № 25 (1996), п. 14, и *Dissanayake c. Sri Lanka* (CCPR/C/93/D/1373/2005), párr. 8.5.

⁵⁴ *Ариас Лейва против Колумбии* (CCPR/C/123/D/2537/2015), п. 11.6, и *Нашид против Мальдивской Республики* (CCPR/C/122/D/2270/2013 и CCPR/C/122/D/2851/2016), п. 8.6.

⁵⁵ В некоторых случаях, например в отношении права голоса, лица, лишённые свободы, но ещё не осуждённые, не могут быть лишены соответствующего права (Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 25 (1996), п. 14).

⁵⁶ Tribunal Supremo, Sala de lo Penal, causa especial núm. 20907/2017, 26 de junio de 2018, pág. 21.

⁵⁷ Замечание общего порядка № 32 (2007), п. 26.

⁵⁸ *Riedl-Riedenstein y otros c. Alemania* (CCPR/C/82/D/1188/2003), párr. 7.3; *Schedko c. Belarús* (CCPR/C/77/D/886/1999), párr. 9.3; *Röder y Röder c. Alemania* (CCPR/C/80/D/1138/2002), párr. 8.6; *Ф. Б. Л. против Коста-Рики* (CCPR/C/109/D/1612/2007), п. 4.2.

внутреннему праву государства. Вместо этого Комитет должен решить, соответствует ли первоначальное применение национальными судами статьи 472 Уголовного кодекса и последующее применение статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» требованиям статьи 25 Пакта, о чем говорится выше, в пункте 8.3.

8.6 В данном случае Комитет отмечает, что следственный судья предъявил авторам обвинение в совершении преступления в виде мятежа на основании «подстрекательства в целях мобилизации масс, [которая] должна была быть использована [авторами] для создания ситуации давления на государство, в том числе посредством противостояния с применением силы»⁵⁹, а также «беспорядков и актов насилия как 20 сентября, так и 1 октября [2017 года]»⁶⁰ (см. п. 3.2). В этой связи Комитет принимает к сведению довод авторов о том, что, если бы «мобилизации масс» «для создания ситуации давления на государство» в целях изменения Конституции было достаточно для приостановления политических полномочий, правительствам пришлось бы полностью лишить содержания гарантии, предусмотренные статьей 25 Пакта (см. п. 3.5). Комитет принимает к сведению довод авторов о том, что различные национальные и международные органы отметили мирный характер действий, предпринятых авторами и другими политическими и общественными лидерами Каталонии, которые были преданы суду по обвинению в мятеже (см. пп. 3.3 и 5.3). Комитет отмечает, что национальные суды государства-участника в конечном счете признали авторов виновными в подстрекательстве к мятежу, но не в мятеже, поскольку установили отсутствие элемента применения силы, определяющего состав данного преступления в соответствии со статьей 472 Уголовного кодекса (см. пп. 4.1, 6.1 и 6.5). Комитет напоминает, что права, закрепленные в статье 25 Пакта, тесно связаны с правом на выражение мнений, свободой собраний и ассоциации⁶¹. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, имелись ли в то время достаточные признаки применения силы, позволяющие следственному органу трактовать соответствующую норму уголовного права в пользу вынесения обвинительного заключения, Комитет принимает к сведению, что авторы призывали общественность строго соблюдать мирный порядок, и напоминает, что «по презумпции собрания считаются мирными» и что «отдельные акты насилия со стороны некоторых участников не следует приписывать другим участникам, организаторам или собранию как таковому»⁶².

8.7 В свою очередь, в отношении статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что правовое регулирование временного отстранения от должности соответствует всеобщим и региональным стандартам, поскольку подчиняется требованию «укрепления гражданского сознания и уважения к правовому государству, а также надлежащего функционирования и поддержания демократического строя» (см. п. 6.4). Комитет считает, что государство-участник имеет законный интерес в достижении этих целей. Комитет также принимает к сведению довод авторов о том, что статьей 384 bis предусмотрена исключительная мера, поскольку на этой стадии производства, до проведения уголовного процесса, временное отстранение от должности может быть применено только в свете обвинений в мятеже (см. п. 5.3). С учетом вышесказанного Комитет напоминает, что, поскольку исключительная мера в виде временного отстранения от государственных должностей происходит до вынесения приговора, стандарты, которые необходимо соблюсти, чтобы обеспечить соответствие этой меры Пакту, в принципе будут более строгими, нежели те, которые действуют в случае применения такой меры после вынесения обвинительного приговора (см. п. 8.3). Такой

⁵⁹ Tribunal Supremo, Sala de lo Penal, causa especial núm. 20907/2017, 26 de junio de 2018, pág. 26.

⁶⁰ Ibid., pág. 25.

⁶¹ Замечание общего порядка № 25 (1996), пп. 25 и 26.

⁶² Замечание общего порядка № 37 (2020), п. 17. Пункт 18 того же замечания гласит: «Чтобы ответить на вопрос о том, является ли то или иное собрание мирным, необходимо установить, исходит ли от его участников насилие. Насилие в отношении участников мирного собрания со стороны органов власти или провокаторов, действующих от их имени, не превращает такое собрание в немирное. То же самое касается и насилия в отношении собрания со стороны публики или участников контрдемонстраций».

повышенный контроль тем более актуален, что, по мнению национальных судов, повод для временного отстранения от должности до вынесения приговора «возникает автоматически ex lege, не оставляя никаких иных возможностей помимо проверки совпадения предпосылок, которые необходимы для введения данной меры согласно норме закона»⁶³ (см. п. 5.6).

8.8 В свете вышеизложенного, по мнению Комитета, государство-участник не смогло доказать, что применение национальными судами статьи 472 Уголовного кодекса и, как следствие, статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» отвечает требованию предсказуемости, предусмотренному статьей 25 Пакта. Аналогичным образом, в обстоятельствах настоящего дела применение внутреннего законодательства, автоматически приводящее к отстранению от выборных постов избранных должностных лиц за предполагаемые правонарушения в ходе совершения публичных и мирных действий до вынесения обвинительного приговора, исключает индивидуальный анализ соразмерности применяемой меры и поэтому не может считаться отвечающим требованиям обоснованности и объективности. Итак, Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник нарушило права авторов в соответствии со статьей 25 Пакта, поскольку решение о предъявлении авторам обвинения в совершении преступления в виде мятежа, которое автоматически повлекло за собой временное отстранение их от государственной службы до вынесения приговора, было принято не по установленным законом объективным и обоснованным причинам.

9. Комитет, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола, приходит к заключению о том, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 25 Пакта.

10. Согласно пункту 3 а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано предоставить авторам эффективное средство правовой защиты. Это предполагает полное возмещение ущерба лицам, чьи права были нарушены. Комитет считает, что в данном случае его соображения по поводу существа жалобы составляют достаточное возмещение по факту установленного нарушения. Государство-участник также обязано принять все необходимые меры для предотвращения подобных нарушений в будущем.

11. Принимая во внимание, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения гарантировать им эффективное возмещение ущерба, которое может быть взыскано в судебном порядке, Комитет обращается к государству-участнику с просьбой предоставить в течение 180 дней информацию о мерах, принятых в соответствии с настоящими соображениями Комитета. Государству-участнику также предлагается опубликовать настоящие соображения Комитета и обеспечить их широкое распространение на официальных языках государства-участника.

⁶³ Tribunal Constitucional, sentencia 11/2020, pág. 21527.

Приложение

[Подлинный текст на английском языке]

Совместное (несогласное) мнение членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Пайша и Вафа Ашрафа Мохаррама Бассима

1. К сожалению, мы не можем согласиться с соображениями Комитета. Заявления авторов следовало признать неприемлемыми в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты. Но даже в случае признания их приемлемости мы не усматриваем в них нарушения прав авторов по статье 25 Пакта.

2. Авторы входили в состав правительства Каталонии. 6 сентября 2017 года региональный парламент принял закон № 19/2017, разрешающий провести референдум по вопросу о провозглашении независимости этого автономного сообщества. На следующий день Конституционный суд Испании приостановил вступление закона в силу до вынесения решения о его соответствии Конституции. Несмотря на это, 1 октября 2017 года состоялся референдум, в котором приняли участие 43 процента избирателей (см. п. 2.2). 17 октября 2017 года Конституционный суд объявил закон № 19/2017 не соответствующим Конституции и недействительным. Несмотря на это решение, 27 октября парламент Каталонии провозгласил ее независимость, после чего был немедленно распущен правительством Испании. Проведение новых региональных выборов было назначено на 21 декабря 2017 года (см. п. 2.3).

3. Политическая ситуация в государстве-участнике в то время была очень непростой, и целостность страны находилась под угрозой. В нескольких регионах страны, в том числе в Каталонии, прошли демонстрации, создающие серьезный риск для национальной безопасности и демократического порядка. Авторы осознавали, что идут на риск, грубо нарушая закон и постановления Конституционного суда, но упорно продолжали добиваться независимости Каталонии. В этой связи Генеральная прокуратура возбудила уголовное судопроизводство в отношении авторов по обвинению в мятеже и растрате бюджетных средств. 2 ноября 2017 года следственный судья вынес постановление о досудебном содержании авторов под стражей. Верховный суд оставил в силе постановление о предварительном заключении одного из авторов и установил залог за освобождение остальных (см. п. 2.4).

4. 9 июля 2018 года Верховный суд сообщил парламенту Каталонии о том, что авторы временно отстранены от занимаемых должностей, а их полномочия на государственной службе приостановлены в силу статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» и что Президиум парламента должен принять соответствующие меры (см. пп. 2.6 и 4.5). Авторы согласились на замену их другими депутатами своей парламентской группы (см. п. 4.1). 30 июля 2018 года Верховный суд отклонил жалобу авторов на временное отстранение их от занимаемых должностей. Авторы обратились в Конституционный суд с соответствующими процедурами ампаро 19 сентября и 10 октября 2018 года и ходатайствовали о принятии обеспечительных мер в виде приостановления действия решения о временном отстранении их от занимаемых должностей. Свое сообщение в Комитет они представили менее двух месяцев спустя, 18 декабря 2018 года.

5. На дату представления сообщения ожидалось вынесение решения в рамках процедур ампаро. Решения по указанным процедурам были вынесены 28 января и 25 февраля 2020 года (см. п. 4.2). На вынесение решений Конституционному суду потребовался год, что является разумным сроком для такого судебного дела. Что касается Верховного суда, то он вынес приговор авторам 15 октября 2019 года, столь же своевременно. Таким образом, внутренние средства правовой защиты были не бесполезны, а эффективны, а вынесение решения по ним не было необоснованно затянуто, при этом требования авторов были рассмотрены, а некоторые из их

аргументов были приняты. Соответственно, сообщение авторов должно было быть признано неприемлемым. По нашему мнению, аргументация, изложенная в настоящих соображениях (см. пп. 7.4 и 7.5), в будущем может сильно затруднить эффективное применение пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола.

6. Статья 384 bis закона «Об уголовном процессе» была принята в 1988 году, а в 1994 году Конституционный суд признал ее соответствующей Конституции. Таким образом, эта норма не была новой, и авторы были о ней осведомлены. Мера пресечения в виде отстранения авторов от занимаемых государственных должностей ввиду значительных политических последствий их действий была необходимой, обоснованной, объективной и соразмерной. Она была принята следственным судьей по итогам тщательного и подробного рассмотрения всех имевшихся на тот момент доказательств в рамках уголовного расследования с соблюдением всех процессуальных гарантий (см. пп. 4.4, 4.5 и 6.1–6.4). Впоследствии, 14 октября 2019 года, за недостатком доказательств применения силы, которое является необходимым элементом состава преступления, Верховный суд вынес решение о признании авторов виновными не в мятеже, а в призывах к мятежу, в результате чего решение о временном отстранении от должности было немедленно отменено (см. п. 4.1). Ход событий отражает обычный процесс работы национальных судебных органов в том смысле, что в более позднем решении (вынесенном по итогам судебного процесса) содержится оценка предыдущего решения (вынесенного следственным судьей) и поправки к нему, принятые с учетом уточненного и расширенного круга доказательств. Таким образом, национальные суды не допустили произвола или отказа в правосудии и не причинили авторам никакого непоправимого вреда, восстановив их политические права (в 2019 году большинство авторов были избраны депутатами Национального законодательного собрания). Наконец, 22 июня 2021 года правительство государства-участника для общественной пользы отменило назначенную авторам меру наказания в виде лишения свободы (см. п. 6.5).

7. В отношении предполагаемого нарушения статьи 25 Пакта можно отметить, что авторы нарушили закон и не подчинились решениям Конституционного суда. В связи с этим их права были ограничены, поскольку они избрали незаконные средства достижения своих целей, а не пошли путем, предусмотренным в Конституции для внесения поправок в основной закон государства-участника. В своих соображениях Комитет постарался избежать ловушки в своей устоявшейся правовой практике в области трактовки внутреннего законодательства и оценки фактов и доказательств национальными судебными органами (п. 8.5 и 8.6). Но каким бы изощренным ни было приведенное обоснование, оно все равно предполагает толкование преступлений в виде мятежа и подстрекательства к мятежу в соответствии с внутренним правом и с применением статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе». Национальные судебные органы своевременно и обоснованно разрешили этот вопрос, так что Комитет не должен был выступать в качестве четвертой инстанции, опровергающей их трактовку. Государство-участник также пояснило, что применение статьи 384 bis закона «Об уголовном процессе» не было автоматическим, но осуществлялось в привязке к конкретному делу, на основе индивидуальной оценки и с учетом конкретных обстоятельств (см. пп. 4.5 и 6.1). В любом случае мера пресечения в виде временного отстранения от занимаемых государственных должностей была обоснованной, необходимой, соразмерной и, кроме того, предсказуемой с учетом тяжелых обстоятельств, в которых находились в тот момент национальные судебные органы. По этой причине мы бы не стали делать вывод о нарушении прав авторов, предусмотренных статьей 25 Пакта.